

Антон Котенко

Marijeta Bozovic and Matthew D. Miller, eds. *Watersheds: Poetics and Politics of the Danube River*. Boston: Academic Studies Press, 2016. 414 pp. ISBN 978-1-6181-1487-7.

Антон Котенко. Адрес для переписки: Санкт-Петербургская школа социальных и гуманитарных наук, ул. Промышленная, д. 17, каб. 107, Санкт-Петербург, 198099, Россия. akotenko@hse.ru.

Человечество всегда было связано с водой. Реки, озера, моря, океаны не только давали нам жизнь, но и постоянно вызвали метафизический интерес людей, порождая бесчисленные мифы и легенды. Потому водоемы оставались предметом внимания не только гидрологов, но и представителей гуманитарных дисциплин. Попыткой именно такого анализа реки является рецензируемый сборник под редакцией Мариетты Бозович (Marijeta Bozovic) из Йельского университета и Мэтью Миллера (Matthew D. Miller) – из Колгейтского. Работа над этим сборником объединила литературоведов, культурологов, философов и антропологов. Такая междисциплинарность представляется одновременно и достоинством, и недостатком книги, предлагающей читателю не историю реки, но нечто аморфное под названием «дунайские исследования».

Редакторов привлекло в Дунае то, что его изучение нет необходимости «упаковывать» в рамки австрийских, южнославянских или каких-то других исследований. Дунай интересен им своей многонациональностью и многокультурностью, которые размывают бывшие и существующие государственные и региональные границы. Карта бассейнов европейских рек с голубой нитью Дуная, соединяющей огромное пятно посередине ее, – вот тот нетеррацентричный мир, о котором пишут авторы сборника. Редакторы даже предлагают для этого несущий, по их мнению, новый эвристический потенциал термин «Дунавия» – территория, которая не совпадает ни с каким политическим образованием, но подрывает и усложняет официальные политические границы. Здесь, конечно, возникает вопрос о том, насколько непроницаемы границы бассейнов отдельных рек и насколько велика роль их «водоразделов» – это слово даже попало в название сборника. Уместно ли говорить о «Дунавии» или «Невадии», если сами же редакторы подчеркивают способность человека пересекать любые, даже самые непреодолимые, водоразделы? И не получим ли мы в таком случае еще одну волюнтаристскую этикетку, не имеющую никакого основания? Особенно если учесть то, что все авторы сборника так или иначе ссылаются и на политические (Австрия, Австро-Венгрия, Румыния), и на региональные (Центральная и Восточная Европа) деления этой территории, причем кажется, что «Дунавия» редакторов – это просто новое именование для империи Габсбургов.

Согласно известной венской шутке, на самом деле Дунай и не красивый, и не голубой. По сути многие авторы рецензируемого сборника предлагают тексты о разных Дунаях и их восприятиях разными героями в разные времена. Например, в сво-

ем эссе Роберт Дассановски (Robert Dassanowsky) пишет о репрезентации Дуная в австрийском, а также центрально- и восточноевропейском кино с 1913-го года по наше время: от «голубого Дуная» как символа романтической Центральной Европы в 1913-м до «ненормального» «красного Дуная» Джорджа Сиднея 1949 года как символа пришествия в Центральную Европу коммунизма, от Дуная как символа ограниченности геополитических возможностей послевоенной Австрии в «Дунайских вальсах» Хавьера Шварценбергера 1984 года до главной артерии Европы в «Дунае» Горана Ребича 2003 года. Подобным образом Микаэла Баранелло (Micaela Baranello) пробует рассказать историю австро-венгерской монархии с помощью анализа либретто популярных венских оперетт конца XIX века: «Венской крови» Иоганна Штрауса (сына) и «Лудильщика» Франца Легара. Тезис автора состоит в том, что, несмотря на знаменитый германоцентричный «Голубой Дунай» Иоганна Штрауса, не особо приветствовавшего распространение венской идентичности на живущих вниз по течению Дуная, не вся венская поп-музыка времен заката империи была шовинистической. Напротив, авторы упомянутых оперетт приветствовали доступность венской идентификации не только для немцев, ориентируясь в своих работах на современное многонациональное население Вены и пытаясь создать настолько же открытый репертуар для жителей столицы многонациональной империи.

Литературоведческая часть сборника, сосредоточенная вокруг фигур Франца Кафки, Эльфриды Елинек и Тибора Череша, кажется, наименее всего соответствует даже настолько междисциплинарному сборнику. Например, в статье Роберта Лемона (Robert Lemon) об «Америке» Кафки Дунай не играет совершенно никакой роли, кроме того, что Дунай – река, которая протекает на родине главного героя романа, привезшего с собой в Новый Свет этнические предрассудки Австро-Венгрии (например, он замечает «венгерские» усы администратора нью-йоркской гостиницы, что почему-то кажется Лемону проявлением презрения). Подобным образом дело обстоит и в эссе Карла Солибакке (Karl Ivan Solibakke) о попытках австрийкой писательницы и драматурга Эльфриды Елинек защищать права ромов в пьесе «Посохе, палке и палаче». В тексте Джесси Лабов (Jessie Labov) Дунай хотя и появляется, но только как место убийства трех с половиной тысяч сербов, евреев и политически подозрительных местных венгров венгерскими фашистами в Нови-Саде в январе 1942 года. Эту историю в своем романе 1960 года «Холодные дни» рассказал ее очевидец, венгерский писатель Тибор Череш; в 1966 году она была экранизирована Андрашем Ковачем. Статья Лабов не о Дунае, но о современном коллективном отрицании венгерского фашистского и сербского титоистского (здесь имеется в виду отрицание сербами убийства тридцати тысяч венгров в Бачке в 1944–1945 годах) прошлого и о существовании параллельных историй южных центральноевропейских «соседей». К этим же событиям возвращается в своем эссе Драган Куянджич (Dragan Kujundžić), в одном из примечаний (с. 257) с негодованием рассказывая о том, как после представления его фильма об этих событиях в нью-йоркском Колумбийском университете в марте 2013 года один из самых известных историков Венгрии Иштван Деак предлагал ему рационализировать ужасы венгров, обратив внимание на вызвавшие их действия сербских партизан.

Приблизительно так же Дунай отсутствует и в статье Аманды Лернер (Amanda Lerner) о претензиях на особую (еврейскую) жертвенность, и в статье Юлианы Максими (Juliana Maxim) о жилищном строительстве и создании музея народной архитектуры в послевоенной Румынии, еще одной части «Дунавии». Заинтересованному в реке читателю предлагают только две статьи. Эссе Роберта Немеша (Robert Nemes) «Уничтоженная империя: вода и власть в довоенной Венгрии» рассказывает о так называемом втором венгерском завоевании родины в конце длинного XIX века – осушении Эчедских болот на границе современных Венгрии и Румынии и о двух нарративах его восприятия в XIX веке (прогрессивном и трагическом). Дунай, конечно, там не течет, а река, о которой идет речь, – Тиса, самый длинный его приток. Но благодаря размытости общей идеи сборника эта статья не кажется в нем лишней. По-настоящему Дунай как река появляется только в конце книги в работе антрополога Тани Ричардсон (Tanya Richardson). В представленном здесь эссе автор пробует заполнить пробел в своей замечательной книге об Одессе как калейдоскопе (Richardson 2008), уделяя внимание одной из самых важных составляющих этого города, а именно – морю. Предмет ее антропологического исследования – конфликты вокруг украинской части Дуная, а именно – судьба озера Сасык (вопрос о том, должно ли оно быть озером или лиманом), а также будущее канала в украинской части дунайского устья Быстрое. Символичен и для последней статьи книги, и для истории о дельте Дуная вопрос, которым задается автор: может ли европейская идентичность быть фрактальной, приглушив значимость национальных интересов и идентификаций, которые до сих играют важную роль в судьбе Дуная? И если так, может ли загрязненный Сасык, связанный с Дунаем, но расположенный вне Европейского союза, быть настолько же значимым для европейской природоохранной политики, как вся дунайская дельта?

Несколько месяцев назад в петербургском «Издательстве Ивана Лимбаха» вышел русский перевод самой известной книги об этой реке – германоцентричного поэтического травелога Клаудио Магриса «Дунай» ([1986] 2016), повлиявшего на каждую книгу о Дунае, изданную после 1986 года (в том числе и на проект Мариетты Бозович и Мэтью Миллера). И хотя одна статья из рецензируемого сборника уже доступна в русском переводе (Куюнджич 2015), его вряд ли ждет успех Магриса, читательский интерес и очередь желающих опубликовать ее издателей. Под одной обложкой здесь собраны статьи, относящиеся к совершенно разным дисциплинам, которые (что еще важнее) достаточно искусственно объединены уж очень общей и размытой темой. Руководствуясь подходом редакторов, можно издавать вместе миллионы работ о «Дунавии», ни разу не упомянув саму реку. Зачем создавать еще один синоним Центральной Европы и при чем здесь Дунай, остается совершенно непонятным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Куюнджич, Драган. 2015. «Против течения: Дунай, видео и бионеразлагаемое Европы». *Неприкосновенный запас* 6:11–39.
- Магрис, Клаудио. [1986] 2016. *Дунай*. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха.
- Richardson, Tanya. 2008. *Kaleidoscopic Odessa: History and Place in Contemporary Ukraine*. Toronto: University of Toronto Press.